

В.П. Мещеряков

Башмачкин Акакий Акакиевич

Башмачкин Акакий Акакиевич — герой повести Н.В. Гоголя «Шинель», «вечный титулярный советник», ему за пятьдесят, он служит «в одном департаменте».

В повести Акакий Акакиевич появляется уже чиновником неопределенного возраста. «Чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморрой-дальным...»

Родился он в семье мелкого чиновника, и уже при крещении судьба Башмачкина определилась. Младенцу трижды выбирали имя по календарю, и каждый раз на открываемой странице выпадали имена святых мучеников одно другого редкостнее и мудренее (Соссий, Хоздазад, Дула, Вахтисий...). В конце концов мать новорожденного решила — пусть уж лучше сын унаследует отцовское имя. «Таким образом и произошел Акакий Акакиевич. Ребенка окрестили, причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник».

«Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении... тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове».

Сослуживцы и даже департаментские сторожа относятся к Акакию Акакиевичу пренебрежительно. Молодые чиновники нарочно толкают его и сыплют на голову бумажки. Акакий Акакиевич же никак не реагирует на подобное обращение, как-то бесчувственно занимаясь своим постоянным делом — переписыванием бумаг. «...Это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докук он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены».

Один из таких эпизодов произвел столь сильное впечатление на молодого человека, недавно начавшего служить и по примеру прочих также пошутившего над Башмачкиным, что он вдруг осознал всю жестокость и низость происходящего. «И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...»

К своим обязанностям Акакий Акакиевич относится не просто ревностно, но даже с любовью. «Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его».

Однажды рвение Акакия Акакиевича было замечено. Директор департамента, желая вознаградить Башмачкина за усердие и долгую службу, распорядился поручить ему чуть более сложную работу, но Акакий Акакиевич «вспотел совершенно» и ничего сделать не сумел, попросив оставить ему прежнее занятие. «С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало».

Акакий Акакиевич живет только одной работой. Он не замечает, что вицмундир у него совсем уже износился, что остальное платье не чищено. «...К тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор». Он и обедал, абсолютно не чувствуя вкуса пищи, и кончал есть, лишь заметив, что «желудок начинал пучиться».

Подлинная жизнь начиналась для Акакия Акакиевича лишь тогда, когда он садился за стол с пером в руке для переписывания бумаг, принесенных на дом. «Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу». Никаких иных развлечений для него не существовало. Единственное, о чем он думал, «улыбаясь заранее... что-то Бог пошлет переписывать завтра?»

Только зимой, в сильную стужу, Акакий Акакиевич вдруг обнаружил, что шинель его совсем обветшала. Он рассудил, что ее надо починить, и пошел к Петровичу, портному, жившему в том же доме, где обитал и Акакий Акакиевич.

К сожалению, он застал Петровича не в духе и трезвым, что было для Акакия Акакиевича невыгодно, поскольку в подпитии Петрович «обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил» за самую скромную плату.

Пользуясь, по своему обыкновению, в основном междометиями и частицами, Акакий Акакиевич изъяснил портному свое дело. Петрович решительно отказался чинить шинель, наглядно доказав, что на ней и заплату-то негде поставить. Как ни уговаривал Акакий Акакиевич портного, тот был непреклонен, утверждая, что заказчику не обойтись без шитья новой шинели. Это очень расстроило Башмачкина, так как с деньгами у него всегда было плохо. Еще более повергла его в уныние огромная, по его представлениям, цена будущего приобретения (Петрович «очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно...»)

Акакий Акакиевич предпринял еще одну неуверенную попытку склонить Петровича к починке старой шинели, однако потерпел полную неудачу. Поняв, что без новой шинели ему никак не обойтись, Акакий Акакиевич совершенно пал духом. «...На какие деньги ее сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уже размещены и распределены вперед. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге, — словом, все деньги совершенно должны были разойтись; и если бы даже директор был так милостив, что вместо сорока рублей наградных определил бы сорок пять или пятьдесят, то все-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море».

Несколько лет откладывал Акакий Акакиевич по грошу, но сумел накопить только половину необходимых для шитья шинели сорока рублей. Чтобы приобрести еще столько же, он свел до минимума все свои потребности (свечи и чай по вечерам, увеличил сроки стирки белья и т.д.) Он «совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели <...> Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. <...> Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник? Размышления об этом

чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул “ух!” и перекрестился».

В конце концов ценой многих лишений Акакий Акакиевич скопил необходимую сумму. Петрович тщательно выбрал заранее присмотренное сукно и мех — кошку, но такую, что «издали можно было всегда принять за куницу»; со всем старанием простегал каждый шов и торжественно вручил заказчику шинель, оказавшуюся «совершенно и как раз впору».

Появление Башмачкина в новой шинели в департаменте произвело сильный эффект. «Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно». Чиновники стали убеждать Башмачкина, что новая шинель есть обязательный повод для устройства вечеринки. Счастливый владелец новой шинели совсем растерялся и не знал, что делать.

Положение спас помощник столоначальника, пригласивший всех на вечер к себе, «вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя...» Акакий Акакиевич не хотел было идти, но сослуживцы стали доказывать, что это будет уж совсем неучтиво с его стороны, и он согласился — еще и потому, что вспомнил: он «будет иметь чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели».

Когда вечером Акакий Акакиевич выбрался наконец на улицу, прохожие привлекли его внимание как что-то странное, невиданное — настолько редко он выходил из дома.

В компании сослуживцев, которые сначала опять рассматривали его шинель, но вскоре сгруппировались за карточными столами, Башмачкин чувствовал себя неловко. «Все это: шум, говор и толпа людей, — все это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к играющим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать».

Акакия Акакиевича заставили выпить на дорожку два бокала шампанского, и в довольно веселом расположении духа он незаметно покинул общество.

На улицах было уж совсем пустынно. «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе». Здесь и произошло трагическое для Акакия Акакиевича событие. Его остановили какие-то люди с усами, и драгоценная шинель была грубо сдернута с плеч бедного чиновника.

Будочник, услышав призывы о помощи, хладнокровно посоветовал ему сходить завтра к квартальному надзирателю и изложить дело.

После бессонной ночи Башмачкин несколько раз наведывался к частному приставу, но ничего не добился. «Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет. Весь этот день он не был в присутствии (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю...»

Кто-то подсказал Акакию Акакиевичу, что ему следует обратиться за помощью к «одному значительному лицу», которое могло бы ускорить дело о розыске заветной

шинели. Значительное лицо был человек неплохой, но «получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть». Он вечно боялся уронить свое достоинство и потому был необычайно строг с подчиненными.

Акакий Акакиевич в силу своей обычной невезучести явился к значительному лицу в неблагоприятный момент. Генерал принимал у себя товарища детства, и приход Башмачкина давал повод продемонстрировать старому знакомому свою административную значительность. Продержав Башмачкина в передней изрядное время, значительное лицо с неудовольствием выслушал косноязычную речь чиновника. «Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамильярным», и он счел необходимым сурово отнестись к смиренной просьбе посетителя.

«Что вы, милостивый государь... не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела?» – начал он распекать Башмачкина и закончил совсем уж устрашающим обращением: «Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю».

Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание, и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх».

Башмачкин вышел от генерала ни жив ни мертв. Разгоряченный, не помня сам себя, он побрел по продуваемой всеми ветрами зимней улице и, придя домой, слег в жесточайшей горячке. Несколько дней пролежал он в бреду, и все его «беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели». Наконец он испустил дух.

Все имущество, оставшееся после Акакия Акакиевича, заключалось в пучке перьев, нескольких листах бумаги, трех парах носков, двух-трех пуговицах и в «уже известном читателю капоте».

«Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное... существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого все же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира...»

В департаменте смерть Башмачкина прошла незамеченной, и вскоре на его месте уже сидел новый чиновник, отличавшийся от своего предшественника более высоким ростом и тем, что почерк у него был наклоннее.

Все же Акакию Акакиевичу было суждено «на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь». По Петербургу пошли слухи, что у Калинкина моста «стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы...»

А значительное лицо по мере того, как изгладился эффект, произведенный его нахлобучкой Башмачкин, начал испытывать угрызения совести. Он послал узнать о нем с целью как-нибудь помочь бедняге и даже расстроился, узнав о кончине бедного чиновника. Чтобы развеяться, он отправился в своем экипаже на вечер к одному из приятелей своих, а оттуда, в самом приятном расположении духа, к любовнице.

В санях генерал все еще находился под впечатлением веселья и мысленно повторял

свои удачные реплики в общей беседе.

Погода была ненастной и ветреной, но значительное лицо не ощущал холода в своей роскошной шинели. «Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи: «А! так вот ты наконец! Наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да еще и распек, — отдавай же теперь свою!» Бедное значительное лицо чуть не умер».

Это происшествие сильно повлияло на генерала, он гораздо реже стал распекать подчиненных, а если иногда и не сдерживался, то, во всяком случае, предварительно ознакомившись с обстоятельствами дела.

С той поры совершенно прекратилось появление по ночам чиновника-мертвеца.